

ВИКТОРИЯ ДАУД

До смерти иронично

КНИЖНЫЙ КЛУБ НА ОСТРОВЕ СМЕРТИ

18+

COZY
MYSTERY

Высокое напряжение

Виктория Дауд

Книжный клуб на острове смерти

«Азбука»

2021

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44 Б94

Дауд В.

Книжный клуб на острове смерти / В. Дауд — «Азбука»,
2021 — (Высокое напряжение)

ISBN 978-5-389-32627-9

Решая провести выходные в походе, Урсула Сمارт и ее мама Пандора хотели почувствовать единение с дикой природой, а заодно научиться ставить палатку. Видимо, об этом думали и другие члены книжного клуба: Шарлотта, Мирандэ и даже Бриджет с Мистером Перезвоном. И теперь все они да еще несколько незнакомцев, несмотря на штормовое предупреждение, оказываются в одной лодке. Но та опрокидывается. Выброшенная на необитаемый остров, команда сталкивается с голодом, холодом и, что еще хуже, отсутствием вайфая. Веселый отдых быстро превращается в отчаянную битву за выживание. Ведь кто-то начинает убивать их. Одного за другим. Чтобы спастись, нужно исследовать этот остров. Остров смерти.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44 Б94

ISBN 978-5-389-32627-9

© Дауд В., 2021
© Азбука, 2021

Содержание

Глава 1. Потерпевшие кораблекрушение	6
Глава 2. За двадцать четыре дня до кораблекрушения	8
Глава 3. За сутки до кораблекрушения	12
Глава 4. Приземление в другом мире	17
Глава 5. Неусвоенные уроки	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Виктория Дауд
Книжный клуб на острове смерти

*Посвящается Кеву, Далиле,
Джеймсу, Саре и Кэтрин*

Victoria Dowd
BODY ON THE ISLAND

Данное издание опубликовано при содействии Lorella Belli Literary Agency Ltd и Литературного агентства «Синописис»

© Victoria Dowd, 2021
© Школа перевода В. Баканова, 2025
© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Глава 1. Потерпевшие кораблекрушение

Погружаюсь под воду и вижу перед собой безжизненные глаза отца, широко раскрытые в знак предупреждения. В ушах звучит его голос: «Не ступай на эту сторону. Здесь нет ничего хорошего, Урсула. Останься в живых».

– Останься в живых! – кричу в ответ. – Не умирай!

– Пытаюсь! – доносится ответ. Не от отца. Голос мамин. Ее рот тут же наполняет ледяная соленая вода, а очередная высокая волна относит маму в сторону.

– Не умирай! – вновь кричу я. – Хватайся за мою руку!

Мама дотягивается до меня. Кожа покрывается ледяными брызгами. Мы – лишь ничтожные частицы посреди бушующего моря.

– Урсула, держись рядом! – в привычной манере командует мама и быстро обводит взглядом темную воду. – Шарлотта!

Над носом накренившейся яхты вздымается рука – кулак тети Шарлотты, полной сил и способной держаться на плаву.

– Мирабель! Мирабель! – зовет мама. Ответа нет.

Вокруг виднеются чьи-то головы, то высоко взлетающие на волнах, то стремительно ныряющие вниз на фоне хмурого сланцевого неба, словно их владельцы катаются на американских горках. Опять погружаюсь под воду, ощущая на губах ее горький вкус. Какой холод!.. Я будто принимаю крещение в ледяной воде. Конечности немеют, и я не в силах ими двигать, и все же волны так быстро несут меня вперед, что горящие от морской соли глаза не в состоянии воспринимать изменяющиеся очертания воды и неба. Снова мельком вижу лицо матери, на котором застыл страх.

Накатывает очередная волна, заставляя меня выпустить ее руку.

– Мама! Мама! Мама!

Когда ее ладонь выскользывает из моей, чувствую себя ребенком, потерявшимся среди толпы. Вновь лечу вниз.

Вокруг слышатся крики и мелькают полные паники лица моих спутников. На миг ловлю растерянный взгляд женщины, сине-зеленые глаза которой по цвету почти идеально схожи с морской гладью. Прежде чем я успеваю разглядеть ее лицо, она отворачивается. Тут же ее хватают чьи-то руки.

А меня подбрасывает вверх очередная волна.

Руки с плеч зеленоглазки по-паучьи быстро перебегают на макушку. Теперь в ее широко раскрытых глазах читаются мольба, страх и отчаяние. Худощавые ладони надавливают на ее изящную головку, заставляя зеленые глаза скрыться под пенящейся водой. Она вскидывает тонкие руки, дергая хрупкими пальчиками.

Некто, находящийся ко мне спиной, снова толкает женщину под воду.

На мгновение ей удается высвободиться. Запрокинув голову назад, зеленоглазка судорожно хватается воздух и вроде бы что-то говорит, но слова тут же уносятся прочь. Потом ее вновь насильно погружают в море.

Создается впечатление, будто я наблюдаю за происходящим из окна. Женщину в последний раз погружают в толщу воды. Ее прекрасные остекленевшие глаза на миг задерживаются в моих мыслях, а потом растворяются в море. Она исчезает.

Меня же накрывает очередная волна, заставляя уйти под воду.

– Прекрати! – кричу я, выныривая на поверхность.

Однако рядом никого нет. Зеленоглазку поглотило море, что же до мужчины... Был ли он вообще? Или в этих ярящихся волнах скрывалось нечто иное?

Бросаю взгляд вниз, пытаюсь успокоить учащенное дыхание. Что за безумие! Мне же не померещились топившие ее руки?.. Кто бы это ни был, сейчас он попросту растворился в пене.

Глаз цвета морской волны тоже больше нет. Они, подернутые пеленой страха, молящие о помощи, остались только в моей памяти. Меня последнюю эта женщина видела, перед тем как ее унесло море. Что я могу сделать?

Внутри поднимается паника. Верчу головой влево и вправо. Ничего. Пытаюсь закричать, но на меня обрушивается еще один огромный водный вал, утягивая вниз. И на этот раз вынырнуть не удастся.

Под водой мне чудятся раскрытые отцовские объятия, которые, несмотря на свирепые течения, без усилий приближаются ко мне и дарят покой. На миг закрываю глаза, чтобы не видеть, как тело безжизненно опускается на дно моря.

Рядом больше нет ни мамы, ни тети Шарлотты. Я даже высматриваю Мирабель. Нет, все они исчезли. Вглядываюсь в темно-зеленый лес внизу. Однажды от наших тел, лежащих на дне океанской бездны, останутся такие же чистые белые косточки, которые со временем превратятся в небольшие полянки хрупких кораллов. С этой убаюкивающей мыслью я погружаюсь глубже.

И все же сознаю, что моя жизнь пока не закончена, поэтому смерти, пусть она и не дремлет, придется подождать.

Глава 2. За двадцать четыре дня до кораблекрушения

– Не поеду. Ни за что на свете. Исключено! Я ответила на твой вопрос?

У мамы выдался один из тех дней, когда все начинания воспринимались ею в штыки. Она попыталась поднять брови, однако из-за многочисленных косметических процедур не слишком преуспела. Лишь недавно мама посетила салон «Светлячок», название которого пришлось бы к месту в каком-нибудь фантастическом романе, надеясь, что ей помогут скрыть следы разочарования жизнью. Что бы там с ней ни делали, это не сработало. И вообще, данному местечку было бы уместнее именоваться «Плотнячок», хотя, вероятно, подобное название могло бы создать неверное впечатление. Зато стало бы более точным, учитывая, что после их вмешательства кожа на ее лице выглядела столь же туго натянутой, как пленка, в которую в «Сейнсбери» упаковывают куриные грудки.

– Мама, я просто говорю, что нам нужно стать выносливее. Поехать туда, чтобы набраться сил и научиться...

– Чему? Потрошить рыбу? Мочиться в ладони?

– Мочиться в ладони? – хмуро уточнила я. – Что за гадость ты смотрела?

– Ту программу с медведем на гриле.

– Ну ты ведь в курсе, что в этом шоу не готовят пищу из вымирающих видов животных? Его так зовут – Медведь Гриль, – пояснила я, наблюдая, как на ее лице проступает замешательство. – Имя у него такое, мама.

– Само собой, я знаю! И неважно, чем он занимается и насколько обнажен при этом, я не намерена подвергать себя опасности. И вообще, я больше в жизни не отправлюсь туда, где не ловит мобильник или нет Wi-Fi. Ты даже не представляешь, во что мне обходятся услуги психотерапевта. – Мама скрестила руки на груди и, заметив катышек на кашемировом шарфе, тут же отвлеклась на него, будто кошка на новую игрушку.

– Он по-прежнему берет с тебя деньги? Я думала, раз вы двое... ну, ты понимаешь...

– Что?

– Он выставляет счета всем своим подружкам?

Мама одарила меня своим знаменитым взглядом – главным оружием местного поражения, применяемым случайным образом, но неизменно попадающим в цель. Знаете, как бывает в фильмах: когда падает бомба, внезапно на миг наступает тишина, некая пауза, и все готовятся к неминуемому разрушению. Так вот, ее взгляд оказывает такой же эффект.

– Я ему не подружка.

– А как еще назвать женщину твоего возраста, которая спит со своим психотерапевтом? Отчаявшейся? Жалкой? Нуждающейся в любви?

Мама попыталась изобразить потрясение, однако ее кожа всю противилась выражению эмоций. Да и вообще, ее лицо в последнее время напоминало мне посмертную маску.

Трудно сказать, какие выводы сделал бы психотерапевт Боб, узнав о плодах моего вооружения. С тех пор как он стал проводить сеансы с мамой, я прекратила с ним откровенничать. Впрочем, даже до того, как Боб и мама начали встречаться, он уже играл на два фронта и передавал ей все, что я ему рассказывала, то есть, по сути, заделался платным шпионом, копящимся у меня в мозгах. Вероятно, Боб так и не понял, что я его раскусила. Однажды я скормила ему историю о вымышленном выигрыше в лотерею и поведала, что решила не рассказывать маме, боясь, как бы эти деньги нас не изменили. Само собой, Боб сразу ей все выложил, и неделю спустя мама уже шиковала в престижном универмаге «Фортнум и Мейсон», одаривая меня при этом понимающими улыбочками.

– Я лишь знаю, что ты спишь с мужчиной, который после объясняет, как тебе следует себя чувствовать. Думаю, с его стороны несколько... – Я помедлила, подбирая подходящее

слово. Мама молча ждала продолжения. – ...невежливо выставялть счет. Все равно что хирург сперва бы выстрелил в тебя, а потом потребовал оплаты за извлечение пули.

– Он восполняет потребность.

– И много у тебя сейчас потребностей, мама?

Она вдруг уставилась в окно, будто о чем-то задумавшись – без сомнений, смотрела, сколько бутылок складывает соседка в контейнер для вторичной переработки. Наши мама выбрасывает глубокой ночью, не желая давать соседям лишние поводы для пересудов. Причем за годы практики она в совершенстве овладела умением опускать бутылки в мусорный бак абсолютно бесшумно.

– Мама, скажи, чем ты намерена заниматься весь остаток дарованной тебе жизни?

– Ничего мне не дарили! Я выжила в том доме благодаря собственной хитрости, выдержке, решимости и...

– Мам, ты сейчас не с газетчиками общаешься. Не забывай: я там тоже была. Конечно, слова «чистая удача» и «воля случая» в статьях звучат не слишком привлекательно, поэтому репортеры ради повышения тиражей стараются их избегать.

Она следила за мной пристально, будто гипнотизер. Точно знаю, поскольку я с ее подачи уже побывала у подобного специалиста. Сеанс в тот раз не удался, и мама обвинила во всем мой «непрошибаемый мозг». История повторилась, когда она отправила меня к очередному гуру, чтобы «прочитать мои цвета». Результат гласил: «черный», и мама заявила, что я сделала это нарочно.

– И какой же чудный, решительный помощник тебе достался! – усмехнулась она.

– Помощник?

– Послушай меня, мисс Ни гроша за душой. Благодаря деньгам, полученным за эти истории, у тебя есть крыша над головой. Не забывай об этом. Если я слегка и приукрашиваю правду, то лишь ради твоего же блага.

Психотерапевт Боб предлагал мне иногда в разговоре с мамой делать паузы, позволяя тишине повиснуть между нами. Кстати, один из немногих полезных советов с его стороны. Вот только мама не выносит многозначительного молчания.

– Мы пережили попытку убийства, так почему бы немного не заработать на этом? Видит бог, для нас не припасен горшок с золотом. Твои тоскливые стихи нам тоже не помогут. Я уж молчу о деньгах, оставшихся от твоего отца.

Слово упало между нами, как граната. Мы дружно уставились в пол, будто там до сих пор лежало его тело. Тот факт, что папу отняли у нас, по-прежнему причиняет боль; этот шрам, один на двоих, связывает меня с мамой, а внутренний голос вечно гадает, сколько бы еще он мог прожить, если бы его не убили. И так день за днем.

Мне часто представляется, что существует параллельная вселенная, где папа не погиб, и я живу с ним, совершенно позабыв о реальном мире, которого коснулась смерть.

Я больше не в силах равнодушно смотреть на чужое счастье. Наблюдение за счастливыми людьми стало для меня сродни новому хобби. Я смотрю на спешащих в школу детей, которые бегают и кричат, даже не задумываясь, что их родители могут случайно попасть под колеса проезжающей машины. Бросаю взгляды на взрослых, ведущих за покупками подростков, – на отцов и матерей, – которых вполне может поразить нераспознанная вовремя болезнь или невидимый убийца, способный без раздумий нанести удар. После смерти папы я поискала в Сети, сколько весят кремнированные люди, – два килограмма, если вам интересно. Я отлично справлялась с ролью трудного подростка. В любом случае это неважно. Его похоронили, а затем откопали снова. Формально провели эксгумацию, хотя из этого не устраивали какое-то особое событие. Никаких посиделок, чтобы предаться воспоминаниям с едва знакомыми людьми.

Все, что у меня осталось, – лишь хрупкие фотографии, на самом деле не имеющие особой ценности. Какой от них толк? Эти снимки – следы жизни, которую я едва помню, сильно при-

украшенные и, по правде говоря, в основном вымышленные. Воспоминаниями легко манипулировать.

Слава богу, у меня есть мама, которая подправляет для меня картины прошлого, делая их гораздо менее надуманными.

– Кстати, мам, зачем ты вообще смотришь кулинарные шоу? Ты ведь не умеешь готовить. – Сейчас нам обоим необходимо сменить тему и поговорить о чем-нибудь банальном.

– Я просто не готовлю. Это не значит, что не умею.

Она склонила голову набок, как будто изрекла важную мысль. Слегка похоже на чайку – на птицу, а не на пьесу. Мама вообще не отличается особой мудростью, а театр ненавидит, заявляя, что там полно людей, которые пытаются выглядеть интеллигентными. Сама же она этим никогда не заморачивалась.

– Думаю, тут как с выстрелами, – продолжила мама. – Тот факт, что я не рвусь кого-то пристрелить, не означает неспособность это сделать.

Отчего-то наши разговоры вечно возвращаются к теме смерти.

– Не сможешь. У тебя нет оружия.

– Откуда ты знаешь?

– Копалась в твоих вещах.

Мама одаривает меня потрясенным взглядом. Впрочем, она тоже проверяет мои вещи. Подобный уровень недоверия помогает нам сохранять хоть какое-то спокойствие.

– Да как ты...

– Осмелилась? Из-за вашей скрытности я уже потеряла одного из родителей и не намерена лишиться другого. Поэтому не стоит проявлять беспечность. А кроме меня, некому за тобой присмотреть.

– Скрытность? Подходящее определение для твоего отца. – Мама не сводила с меня взгляда, явно раздумывая, чувствовать ли себя польщенной, что я проявила хоть немного заботы о ней, или раздражаться из-за вторжения в ее личное пространство.

– И, кстати, готовить ты не умеешь. Я точно знаю.

– Правда? Взгляни-ка туда. – Она небрежно махнула рукой в сторону просторной кухни – так агент по продаже недвижимости демонстрирует достоинства чужого дома. Белое, сверкающее чистотой пространство создавало впечатление, что ты находишься внутри гигантского иглу. – Смотри, сколько поваренных книг.

– Они сами не готовят. Ты поставила их туда в знак напоминания, что это кухня.

Продукты в морозильной камере мама подбирает по цветам – коричневый, серый, бежевый, зеленый, бурый с сероватым отливом. Сами ингредиенты не важны, она все равно их не ест, поэтому понятия не имеет о степени их съедобности. Мама не готовит, лишь порой подогревает блюда, а после пропускает через блендер, лишая их всякого сходства с нормальной пищей. Хотя пиццу она еще не перемалывала – вероятно, просто в голову не приходило.

В отличие от многих людей, переживших столкновение со смертью, мама не ощутила необходимости пересмотреть свою жизнь и продолжила вести себя столь же заурядно, как прежде, подогревая купленную на вынос еду, которую все равно не ест. Разница в том, что теперь, продавая нелепые истории газетчикам, жаждущим побольше ужасов, она может позволить себе подобный образ жизни.

Впрочем, как часто замечает мама, правдой сыт не будешь. В прошлом году мы провели выходные в некоем доме, где за время нашего пребывания погибли четыре человека. Нам с мамой, а также тете Шарлотте и Мирабель удалось выжить и рассказать о случившемся. Бриджет и ее пес, Мистер Трезвон, тоже выбрались живыми – честно говоря, чудо, что их там никто не прикончил. Вообще-то, тот дом на самом деле именовался Амбровыми Башнями, однако в прессе подобное название посчитали не очень выразительным и в итоге его окрестили

Бойней. В целом вот и вся история – будничное повествование о смерти. Кого-то она потрясла, другие просто отворачивались, встречая нас на улице, как будто мы несли с собой несчастье.

Пережить некое опасное событие, будь то крушение поезда или нападение серийного убийцы, – все равно что вылупиться из куколки. Случившееся безвозвратно вас меняет. Впрочем, вряд ли кому-то захочется всю жизнь оставаться неизменным. Я, к примеру, многогранная личность, и Урсула Сمارт, выжившая в Бойне, – всего лишь одна из моих ипостасей. О той истории могу сказать одно: мы с книжным клубом отправились на выходные в неудачное место, где начали погибать люди. После этого клуб прекратил свое существование, да и вообще они обычно долго не живут. Наверное, у нашего просто вышел более драматичный конец, чем у многих его собратьев (однако вы бы удивились, узнав, какие истории люди рассказывают мне о своих книжных клубах).

Возможно, кто-то решит, что я в полной мере испытала на себе все ужасы жизни – тринадцать лет назад погиб отец, а в прошлом году случилась вся эта история с Бойней. Вот только те, кто пережил трагедию, отчего-то притягивают к себе еще больше несчастий, как будто судьба в их лице нашла новый громоотвод. Некоторых людей буквально преследуют бедствия и хаос, и я решила, что неплохо бы подготовиться к ним заранее.

А потому записала нас на курс выживания.

Глава 3. За сутки до кораблекрушения

Ночью я проснулась от собственного крика. Увиденное во сне место казалось незнакомым, а подобное не сулило ничего хорошего.

Я продрогла до костей. Сырое одеяло изнашивалось, поскольку укрывало слишком много незнакомцев. Я распахнула глаза – и все же оставалось по-прежнему темно, словно окружающий мир принадлежал призракам, а не живым.

«Мне знакомо это место», – мысленно внушила я себе и повторила вслух:

– Это место мне знакомо.

Я снова была в Бойне, воздух которой пропитался ржавым запахом крови и затхлой вонью старины. Эти воспоминания не исчезнут до конца жизни. Они засели в некоем шкафчике в глубине сознания, ожидая момента, когда я вновь открою дверцу и загляну внутрь, а по темным коридорам разума до сих пор бродят призраки.

– Мне знакомо это место! – выкрикнула я.

Послышался глухой стук, потом шуршание крысиных лапок по голому дощатому полу. Миг спустя меня ослепил кислотно-желтый свет.

– Ради бога, Урсула! Я согласилась жить с тобой в одной комнате при условии, что вся эта хрень с видениями мертвецов закончилась! – Возле двери застыла мама, закутанная в обычный кашемировый шарф. Она не спешила убирать палец с выключателя, словно намеревалась опять нажать на кнопку.

– Мне вновь приснились Амбровые Башни. Помнишь Бойню, мама, где мы разоблачили козни твоей подружки, насчет которой, кстати, я ничуть не ошибалась?

– Урсула!

– Господи, ты ее до сих пор защищаешь? И хватит меня одергивать!

– Она мертва, Урсула!

– Вот и славно.

Мама судорожно втянула в себя воздух, изображая потрясение, хотя вообще-то ее ничто и никогда не шокировало.

– Мне всего лишь приснился кошмар.

– Да-да, – вздохнула мама, как будто слова сочувствия могли обжечь ей язык. – Всего лишь кошмар. Боб ввел меня в курс дела. – Она неохотно присела на краешек кровати, но держалась отстраненно, хотя и попыталась слегка смягчить тон. – Не забывай, я там тоже была. И, кстати говоря, в этот раз я советовала воздержаться от поездки. Как можно успокоить демонов, притаившихся сюда, в этот захолустный мотель из «Клетчатого ужастика»?

– Клетчатый ужастик? Ты имеешь в виду пальто, которое купила мне на Рождество?

– Господи! Это же Burberry!

Я пожала плечами – неразумная реакция в присутствии мамы.

– Ты только посмотри! Даже отделка комнат вызывает мысли об «Экзорцисте». В последний раз так много коричневой мебели я видела, когда мы ездили к твоей тетушке Шарлотте.

– Мы не были у нее с тех пор, как мне исполнилось три!

– Она никогда не меняет мебель.

Мы немного помолчали, разглядывая блеклую комнату. У нас уже вошло в привычку делать паузы в разговоре, пытаясь придать моментам большую значимость.

– Тогда тете Шарлотте здесь, наверное, нравится.

– Вряд ли, – покачала головой мама. – Моя сестра спит в одной комнате с Мирабель. Интересно, кто из них быстрее потеряет волю к жизни? – Она издала звук, похожий на усмешку. Как и все диктаторы, мама не выносит, если ее друзья и родственники слишком хорошо ладят друг с другом.

– Пойду приготовлю какао, – устало промолвила я.

– Боже правый, ты в каком веке живешь? Этот напиток уже лет пятьдесят как вышел из моды!.. Ладно, дальше по коридору справа есть небольшая кухонька. Только смотри не перепутай с уборной, тут все помещения как две капли воды... И, кстати, я захватила с собой любимый дарджилинг...

– Который заваривают проливами?¹

– Проливами? Больше не произноси это слово в моем присутствии, – сверкнула глазами мама. – Поняла? Оно слишком напоминает мне о приливах. И, кстати, мы обсуждали эту тему с Бобом. Он считает, я всего лишь чересчур чувствительна к комнатной температуре. Я ведь еще очень молода! А теперь дай мне поспать. Если хочешь, бери просроченные ромашку и ягоды годжи.

– Ты щедра!

– Пей там, а когда вернешься, не включай свет.

– Как же я...

– С помощью мобильного. На дворе двадцать первый век!

Мама выключила свет. Готова поклясться, что ее белые зубы еще пару секунд виднелись в темноте. Как у Чеширского Кота.

Кухонька оказалась маленькой и скудно обставленной, а благодаря плитке цвета зеленых водорослей в самом деле очень походила на ванную комнату по соседству. Сбоку на столе выстроились в ряд чайник, сухое молоко и единственная кружка. Одинокая лампочка под потолком излучала тусклый желтоватый свет, как будто я и впрямь попала в фильм ужасов семидесятых годов.

На облупившейся пластиковой поверхности роскошная мамина корзинка смотрелась нелепо. Я открыла ее... И разумеется – ничего даже отдаленно похожего на предметы из выданного нам списка необходимого. Да и кому бы в голову пришло требовать наличия вымоченной в водке сливы! Я вообще с трудом представляю место, где могли бы понадобиться покупаемые мамой дорогие продукты с нулевой питательной ценностью.

На список необходимого мама отреагировала так же, как и на все остальное, связанное с этим путешествием.

– И видеть не желаю! Все равно никуда не еду.

* * *

В конце концов, я заставила ее взглянуть, приманив открытой на ноутбуке новой рождественской рекламой сети универмагов «Джон Льюис». Впрочем, справедливости ради нужно заметить, что знакомство со списком стало немалым сюрпризом для обеих.

- Спальный мешок (я не призналась маме, что только в этот момент поняла: мы отправляемся в турпоход; я тут же задумалась, что еще могла упустить из виду, когда импульсивно записалась на этот курс, но решила не делиться с ней опасениями.)
- Туристический коврик (да, мы определенно собрались в поход.)
- Бивуачный мешок (я поискала сей предмет в «Гугле»; на мой взгляд, он скорее похож на мешок для перевозки трупов.)
- Тент (на запрос «Что такое тент?» «Гугл» выдал видеоролик на «Ютубе», в котором солдат натягивает кусок материи между двумя деревьями,

---

¹ Пролив – многократное заваривание чая с очень коротким временем настаивания. (Здесь и далее прим. переводчика.)

а на заднем плане слышны постоянные звуки выстрелов. Это отнюдь не улучшило мамин настрой относительно предстоящей поездки.)

- Непромокаемая одежда (мама вообще отказывается надевать что-либо легковоспламеняющееся на вид – вероятно, боится, что ее попытаются поджечь. Я тысячу раз извинилась и объяснила, что с рождественским пудингом вышло случайно. Не верит!)

- Фонарик (мама заявила, что ей вполне хватит света от мобильного. Я не стала сообщать, что на острове не будет электричества для зарядки телефона. Она и так уже возненавидела эту поездку.)

- Зубная щетка (рекомендовалось также «выдавить зубную пасту дома и завернуть в пищевую пленку». Учитывая, сколько денег мама потратила на коррекцию зубов, ее явно не вдохновили бы подобные комментарии, поэтому я поспешила их пролистать.)

- Туалетная бумага и походный котелок (вот зря эти предметы упомянули вместе, поскольку у мамы сразу сложилось совершенно неверное представление. Впрочем, мы очень быстро выяснили, что увлекающиеся походами люди с восторгом относятся ко всему, связанному с физиологическими отходами. Это отразилось и в следующем пункте.)

- Туалетный совок (я заявила, что это опечатка и должно быть написано «хлопок», то есть имелось в виду полотенце. Мама тут же залезла в телефон и заказала три роскошных банных полотенца из белого хлопка. Позже я купила маленький садовый набор, состоящий из мини-лопатки, грабелей, перчаток и семян; по счастью, мама не задалась вопросом, какое отношение курс выживания имеет к садоводству.)

- Перочинный нож (учитывая нашу последнюю поездку, ознаменовавшуюся убийствами, мама забеспокоилась по поводу того, что мы отправляемся в путешествие вместе с вооруженными людьми.)

- Никакого алкоголя (этот пункт мама прокомментировала всего одним словом: «вздор». Учитывая, что я до сих пор повсюду ношу с собой старую отцовскую Библию, в которой спрятана фляжка с бренди, не мне ее судить.)

- Предметы личного обихода (маме они не нужны уже много лет).

В конце этого списка необходимых вещей жирным шрифтом были написаны терзающие душу слова:

**ПРОЯВИ ВОЛЮ К ВЫЖИВАНИЮ!
ПРОСТО ИЗГОНИ СВОИ СТРАХИ!**

Кажется, для специалистов по выживанию и любителей активного отдыха лучше аббревиатуры не придумать.

Всему этому тщательно закупленному и упакованному инвентарю было суждено в течение суток после нашего прибытия оказаться на дне моря.

В списке не упоминалось еще несколько вещей, которые я всегда стараюсь брать в поездку с мамой: терпение, вера в себя, умение прощать и съестные припасы из тех, что не продаются в бутылках.

Брошюра изобиловала фотографиями, люди на которых выглядели грязными и подавленными. Не случайно эту литературу предоставляли исключительно после оплаты.

– Не поеду! – непреклонно заявила мама.

Ну я и решила, что неплохо было бы показать ей брошюру – совсем забыла, что в присутствии мамы лучше держать свои идеи при себе.

Особенно если учесть, что брошюра начиналась словами:

КОРИЧНЕВАЯ СМЕНА ДОСТИГНИ ПРЕДЕЛА...

По-моему, зря они назвали себя «Коричневой сменой», учитывая особое внимание, которое уделялось в списке необходимого туалетным принадлежностям. Впрочем, маме я сказала, что это как-то связано с Шотландией и твердостью духа.

– Я не поеду.

– Мама, ну какие там могут быть трудности? – Я выдавила из себя самую обаятельную улыбку. – Здесь говорится, что это семейный курс выживания.

– О том, как выжить в своей семье? Я сама, черт возьми, могла бы его провести!

– Вот только не надо лукавить, мама. – Впрочем, если честно, она мало с чем не сумела бы справиться. – Здесь говорится, что курс поможет нам многое узнать о человеческой природе и основах выживания.

– Мы уже достаточно об этом узнали. Разве нет?

– В том-то и дело, – вздохнула я. – Там, в Бойне, мы были совершенно растеряны. Поэтому надо подготовиться.

– К чему?

– К необходимости выживания. Надо научиться действовать в самых тяжелых ситуациях. – Я положила ладонь ей на плечо. Мама пронзила ее пристальным взглядом. Пришлось убрать. Она тут же пригладила рукав. – Я уже лишилась одного родителя, а ты потеряла... подругу. Суть в том, что нам нужно стать сильнее. И быть готовыми.

– Мы что, на войне? – покачала головой мама.

– Порой мне именно так и кажется.

Мама не ответила – возможно, задумалась, хотя и не факт. Она в совершенстве научилась делать вид, что размышляет, при этом отвлекаясь на что-то постороннее.

– Урсула. – Мама склонила голову набок и указала на экран ноутбука. – Все это – куча конского дерьма.

– Я уже нас записала.

– Что?

– И оплатила. Придется ехать.

Ее лицо как-то вдруг сдулось, нижняя губа отвисла, будто у старой марионетки. Мама не нашлась, что сказать.

– Я записала всех троих.

– Троих?

– Меня, тебя и тетю Шарлотту. Это ведь семейный курс выживания, а она наша единственная оставшаяся в живых родственница.

– Как же тетя Мирабель? – Мама уставилась на меня широко раскрытыми глазами.

– А что с ней? Она мне не родня, не настоящая тетя. Все, закрыли тему.

Согласна, грубо, однако Мирабель чересчур активно стремилась участвовать в нашей жизни и в некотором роде даже считала себя моей крестной, хотя вряд ли верила в Бога. После того как мы вместе выжили в Бойне, маме взбрело в голову, что мы должны играть в счастливую семью.

– Как ты можешь так говорить о Мирабель, учитывая, через что мы вместе прошли?

– Избежали рук убийцы? Это еще не повод объединяться. «Мы не мертвы» – не слишком подходящее название для клуба.

Мама попыталась поджать губы.

– Без Мирабель я никуда не поеду.

– Серьезно?

Она одарила меня фирменным взглядом.

– Я просто думала... – начала я, вглядываясь в ее лишенное всякого выражения лицо. Когда мама так упиралась, переубеждать было бессмысленно. Я драматично вздохнула. – Ладно, пусть едет.

Мама растянула губы в улыбке.

– Что ты сказала, милая?

– Она может поехать. Она может поехать. Она может поехать. Гребаная Мирабель может снова отправиться с нами в чертов отпуск.

– Какая прекрасная идея, дорогая! Только перестань называть это путешествие отпуском. Оно отвратительно.

* * *

И вот в первый вечер курса выживания я мерзла в зеленой кухоньке, уставившись на мамину корзинку и вымоченные в водке сливы. В тот миг я еще понятия не имела, что Мирабель больше в жизни не поблагодарит меня за возможность отправиться с нами в эту поездку или что часть нашей группы погибнет, хотя уже начала сознавать, что мама, вероятно, права: отпуском здесь и не пахнет.

Глава 4. Приземление в другом мире

Мне с самого начала следовало понять, что отправляемся мы отнюдь не в отпуск. Я-то надеялась на полное открытий путешествие и уже предвкушала, как оценю отстраненную красоту этого места и во всех смыслах почувствую себя женщиной в окружении дикой природы. Однако с самого начала все мы больше напоминали героинь фильма «Женщины на грани нервного срыва».

По прибытии на остров Харрис было решено перекусить в аэропорту Сторновой – больше этот опыт я повторить не рискну.

Вместе с нами прилетели тетя Шарлотта и Мирабель, и наша маленькая группа заполнила буквально весь небольшой аэропорт. Тетушка, полностью одетая в Харрис-твид², явственно напоминала готовую отправиться в путешествие Агату Кристи, хотя на тот момент мы и не подозревали о грядущих испытаниях.

– Потрясающе! – заявила тетя, уставившись в тарелку с жидкой яичной массой и подгоревшим тостом. – И кровяная колбаса туда же. – Она покрутила в пальцах нечто, похожее на замурованного в асфальт хомячка. – Как ты себя чувствуешь, милая? – поинтересовалась Шарлотта, обращаясь то ли ко мне, то ли к несчастной колбасе. – Пандора, тебе не помешает поесть.

За долгие годы мама приобрела такой замороженный вид, что казалось, умирает с голоду и готова сожрать вас в любой момент. Впрочем, она не питалась полноценно с двенадцати лет, о чем постоянно напоминала мне после смерти отца, и я по мере сил заботилась о ней, поскольку кроме мамы родителей у меня не осталось. Она тяжело переживала горе, и мне часто приходилось перед уходом в школу готовить для нее быстрый завтрак – нечто такое, что могло бы противостоять излишкам алкоголя и в то же время легко счищалось с ковра и постельного белья.

Терминал аэропорта словно сошел с телеэкрана, где демонстрировалась передача о жизни восьмидесятых годов прошлого столетия. Мама выглядела потрясенной – как и всегда при виде людей в спортивных штанах.

– Я не буду это есть, – заявила она фирменным тоном посетительницы «Хэрродса»³, чтобы напомнить всем: подобная еда ниже ее достоинства.

– Я тоже, – само собой, немедленно подхватила Мирабель. – Чья это была идея?

Обе взглянули на меня, как на грязь под ногами, однако на этом не утомнились.

– Еще одна навязчивая попытка привлечь к себе внимание. Понимаю, как тебе тяжело, Пандора. – Мирабель придвинулась поближе к маме и покачала головой.

– Сторновой... Черт возьми, Урсула, где это вообще? Не здесь ли случались... неприятности? – Похоже, мама уже не могла держать себя в руках и, подавшись вперед, неестественно возвысила голос. К сожалению, вести себя тихо – это не про нее. – Террористы!

Все вокруг замерли, ясно сознавая, насколько резко прозвучало непростительное слово в помещении аэропорта размером с небольшую церковь.

– Нет, мама, ты говоришь про Стормонт в Ирландии. Сейчас на Гебридских островах нет политических беспорядков, так что можешь не волноваться. Согласно путеводителю, Сторновой славится кровяной колбасой и тем, что здесь родилась мать Дональда Трампа. Даже если ты столкнешься тут с обеими одновременно, то ничем не рискуешь.

---

² Харрис-твид – твидовая ткань, которую жители Внешних Гебридских островов Шотландии изготавливают вручную традиционными методами.

³ «Хэрродс» (Harrods) – самый известный универмаг Лондона площадью девяносто тысяч квадратных метров. Считается одним из самых больших универмагов мира.

– Ты уверена? – уточнила тетя Шарлотта, принимая напряженный, серьезный вид, который она называла «лицом Пэксмана»⁴.

– Сомневаюсь. – Мама протянула руку. – Дай-ка мне этот путеводитель.

– Я забыла его взять.

– Что? Путеводитель?

Теперь все дружно уставились на меня.

– Да, путеводитель. Я читала его вчера перед сном, – попыталась оправдаться я. – Наверное, оставила на прикроватной тумбочке.

– То есть ты, как обычно, понятия не имеешь, куда мы едем! – Мирабель с победным видом откинулась на спинку стула.

– Конечно же, имею, Мирабель! А что, никто из вас не догадался захватить еще один?

Все тут же отвернулись. Кроме мамы, которая с разочарованным видом пробормотала:

– Господи...

* * *

Аэропорт мы покинули в состоянии затянувшегося раздражения, весьма характерного для членов моей семьи. Пока садились в маленький древний автобус, никто не проронил ни слова.

Поездка через Льюис и Харрис⁵ в направлении Левербурга напоминала путешествие сквозь время. Когда мы выехали из Сторновея, сбоку замаячила тень материка; высокие пики гор четко вырисовывались на фоне хмурого неба. Водитель, вполне возможно ровесник этих самых гор, сообщил, что по всем приметам надвигается непогода. Очень скоро стало ясно, что жители Харриса замечали приметы везде и во всем, даже в мелочах. Теперь-то понятно, что нам стоило уделить им больше внимания.

Я смотрела в окно на царящее вокруг спокойствие. Автобус с грохотом несся по городку, будто водитель видел перед собой единственный оставшийся путь к спасению. Выкрашенные в приятные неброские цвета маленькие домики, которые выстроились вдоль дороги, отражались в темных водах гавани.

– Похоже на гребаный Баламори⁶, – заявила мама.

– Это где?

Порой на тетю Шарлотту проще не обращать внимания.

Мы миновали целую армаду рыбацких лодок, жавшихся к стенам гавани, словно в ожидании очередного жестокого натиска моря. До сих пор все увиденное нами в аэропорту и пригородах Сторновея наводило на мысли, что эти земли обладают стоическим характером и постоянно готовятся к суровым временам, отчего растерянность на наших лицах выглядела еще более неуместной.

– Клянусь, этот холод колет лицо будто иглами, – пробормотала мама, кутаясь в кашемировый шарф.

– Вполне знакомые тебе ощущения.

– Отстань от нее! – как всегда влезла Мирабель. – Твоя мама не в силах бороться со своей дисморфобией⁷.

---

⁴ Джереми Пэксман – бывший английский телеведущий, журналист и писатель.

⁵ Льюис – северная часть острова Льюис-энд-Харрис, входящего в состав архипелага Внешние Гебридские острова в Шотландии. Южная часть острова называется Харрис.

⁶ Баламори – вымышленный город в островной Шотландии, в котором происходит действие одноименного детского сериала.

⁷ Дисморфобия – психическое расстройство, при котором человек чрезмерно обеспокоен своей внешностью, излишне акцентирует внимание на ее дефектах и особенностях.

- С чем? – искренне озадачилась мама.
- Все нормально, Пандора. Некоторые из нас с пониманием относятся к твоим... потребностям.
- К моим потребностям?
- Последний автобус до Гросбея! – крикнул водитель, когда мы миновали окраины Сторновея.
- Гросбей? Мы же едем в Левербург, – пробормотала я.
- Судя по всему, нет, – бросила мама и отвернулась.
- Я думала, ты точно знаешь, куда мы направляемся, – усмехнулась Мирабель.
- Ничего, разберусь.

Я встала и направилась к водителю автобуса, по пути глядя в окна по обеим сторонам, словно ожидала узнать лежащую за ними местность. По запотевшим стеклам бежали струйки конденсата, отчего воздух пропитался сыростью. Свинцовое небо снаружи затянули огромные хмурые тучи, грозящие в любой момент прорваться дождем.

Мы миновали главный порт, потом окраины города. Здесь домики уже давно пустовали; посеревшие обрывки занавесок на окнах напоминали призраков, протягивающих сквозь разбитые стекла тонкие пальцы.

Я объяснила водителю, что произошло недоразумение. Увы, он невозмутимо продолжал вести машину, насвистывая сквозь широко расставленные зубы какую-то незнакомую морскую песенку. За окнами автобуса тянулись мшисто-зеленые просторы. Мы ехали без остановок, других пассажиров не было, и я в конце концов уговорила водителя довезти нас до Левербурга. Похоже, он сам толком не знал, куда едет, потому что лишь пожал плечами, как будто для него один пункт назначения ничем не отличался от другого.

По сторонам тянулись безлюдные территории, истерзанные долгими зимами и постоянными яростными ветрами с моря. Этот новый мир казался мрачным и безжалостным, и в то же время в нем сквозило некое очарование. Неподвластный времени, исполненный грустью, он будто замер в свои последние мгновения и просто ждал возвращения чего-то неведомого.

Мы проехали мимо старого фургона, превращенного в магазин на колесах, который, судя по всему, не один десяток лет не трогался с места. За открытой задней дверью виднелись скудные запасы продуктов первой необходимости и несколько потрепанных плакатов, рекламирующих средства для пищеварения, шоколадно-солодовый молочный напиток «Овалтин» и английский черный чай «Пи-джи типс». На водительском сиденье курил с закрытыми глазами пожилой мужчина, застывший совершенно неподвижно, и лишь янтарный огонек, периодически вспыхивающий на кончике сигареты, свидетельствовал, что он еще жив.

Местность усеивали гниющие остовы автомобилей и случайных тракторов; некоторые из них стояли здесь так долго, что сквозь разбитые окна и пустое подкапотное пространство пробивались поросли кустарников. Одиноко стоящие жестяные хижины в закатном свете отливали ржаво-красным. Водитель автобуса назвал это место Золотой дорогой, хотя перед нами расстилалась просто пожухлая пустошь. В заброшенной телефонной будке птица свила гнездо.

Но, возможно, перед нами предстало вовсе не запустение, а «нетронутые» земли, как говорилось в брошюре. Во всем мире бушевали войны и голод, однако суровый серый каменный край остался неизменным.

Если в окрестных землях и обитали какие-то люди, они настолько слились с ландшафтом, что стали от него неотличимы.

В темно-сером небе угасали остатки дневного света. Наш автобус – единственное, что двигалось в сгущающихся сумерках. В долинах начал собираться туман, остовы разбитых лодок покачивались на тяжелых волнах. Теперь мрачность горизонта нарушали только тонкие абрикосовые полосы заходящего солнца.

Дорога длинной черной лентой тянулась вглубь суши, и ощущение, что остров каким-то образом наблюдает за нами, новыми непрошенными гостями, становилось все более сильным. В салоне автобуса повисло молчание. Создавалось впечатление, что все мы здесь совершенно беззащитны. В небе начали загораться яркие точки, похожие на глазки для наблюдения из другого мира.

Наконец водитель затормозил, ткнув пальцем в сторону кучки зданий: «Левербург!», – и укатил, оставив нас стоять на стылой дороге. В отсутствие освещения вокруг почти ничего не было видно, лишь на фоне холмов вырисовывался темный силуэт какого-то большого сарая.

Встретивший нас ночной портье сообщил, что мы приехали слишком поздно и перекусить уже не получится. В этом человеке, вызвавшемся показать отведенные нам комнаты, ощущалась некая мрачная безысходность. Мы проследовали за ним по длинному темному коридору, устланному грязно-бурым ковром, причем сам пол, казалось, слегка покачивался под ногами. При виде обшарпанной двери в комнату меня охватило стойкое ощущение, что ее поспешно освободили от предыдущих жильцов – не факт, что живых.

* * *

После проведенной в кроватях первой бессонной ночи, когда пришлось подкрепляться лишь маминым просроченным чаем и сливами в водке, мы к концу завтрака спустились в столовую и там наткнулись на новый ужас.

– Так-так-так. Неужели это мой старый книжный клуб? – приветствовала нас Бриджет Гаттеридж, единственная кроме нас выжившая в Бойне – кстати, весьма прискорбное обстоятельство.

– Старый? – Этим утром мама явно не горела желанием вспоминать прежние времена.

– О, теперь понимаю, – улыбнулась тетя Шарлотта. – Бриджет была членом книжного клуба. А я все гадала, почему она оказалась с нами в Бойне.

Бриджет одарила тетюшку потрясенным взглядом. Крутившийся у ее ног крошечный песик уставился на Шарлотту бусинками глаз.

– Господи...

– Нет, его зовут Мистер Перезвон, – надменно вздернула подбородок Бриджет.

– Трезвон, – поправила я.

– Перезвон.

– Нет же, Мистер Трезвон. Я точно помню, он был с нами в Бойне.

– Мистер Трезвон умер.

Мы все немного помолчали, потом тетя Шарлотта с заговорщическим видом подалась вперед.

– Убит?

Бриджет и песик одарили нас злобными взглядами. На миг мне даже пришло в голову, что, возможно, Мистер Перезвон приложил руку – или лапу – к кончине предыдущего владельца этой клетчатой собачьей куртки.

– Зачем ты здесь, Бриджет? – со вздохом спросила Мирабель.

– Помимо намерения выбесить всех до чертиков, – с явным раздражением добавила мама.

Сюрпризы она не любила с тех пор, как папа купил ей на день рождения «Сегвей» вместо «Стэйнвей»⁸. Она не играет на пианино, но друг, дизайнер интерьеров, сообщил, что фото с

---

⁸ «Сегвей» (Segway) – электрическое самобалансирующее транспортное средство с двумя колесами, расположенными по обе стороны от водителя, внешне напоминающее колесницу. «Стэйнвей» (Steinway) – американская компания-производитель фортепиано.

ним – самый хит сезона. Мама осталась без фотографий и с прохладой восприняла мою идею сделать серию снимков во время поездок на «Сегвее».

Бриджет одарила нас улыбкой, явно готовясь к схватке. Она принадлежала к тем людям, по лицу которых с первых минут общения можно было понять, насколько вы им не нравитесь.

– Я еще вхожу в группу книжного клуба в WhatsApp.

– Правда? – Я обвела взглядом остальных. Все в ответ пожали плечами.

– Поэтому быть здесь – мой долг. Нельзя устраивать отпуск книжного клуба без его главного члена.

– Главного члена? – нахмурилась я. – Неужели?

– А ты вообще не состоишь в книжном клубе! – зыркнула на меня Бриджет.

– Но это не отпуск книжного клуба. И вообще клуб распался.

– Не говори так! – скривилась Бриджет. – Про этот отпуск писали в групповом чате.

– И кто додумался? – Я оглядела своих и остановила взгляд на тетушке Шарлотте, нервно переминавшейся с ноги на ногу. – Ты все еще пользуешься этой группой?

Тетя Шарлотта глубоко вздохнула.

– Мне нравится писать там о всяких мелочах. Просто ностальгия.

– По книжному клубу, собрание которого закончилось четырьмя убийствами?

– Ну если взглянуть с этой стороны... – Тетя Шарлотта уставилась в пол.

– Дорогуша, ты что, не читала ин-фор-ма-ци-он-ный буклет? – прошебетала Бриджет, растянув слово так, что меня передернуло. – Это курс выживания. Само собой, мое место здесь. Не забыли, что именно я помогла вам выжить? И в благодарность вы забросили меня и перестали общаться. – С ее лица не сходила кислая улыбка.

– Не припомню, чтобы ты приложила руку к моему выживанию, – заметила мама и отвернулась.

Бриджет Гаттеридж рассмеялась в ответ – холодным, нервирующим смехом, который, как всегда, сопровождался застывшим взглядом, отчего она удивительно напоминала низкопробного клоуна.

По словам психотерапевта Боба, именно подобные идеи могут подтолкнуть людей – точнее, маму – к выводу, что мне нужна помощь, поэтому в последнее время я в основном держу свои фантазии при себе.

– Боже мой, Пандора! – издевательски фыркнула Бриджет. – Вопреки твоим газетным статейкам и выступлениям по телевизору, именно я расследовала – и раскрыла! – убийства в Бойне, а ты целенаправленно заводила нас в тупик и подбрасывала ложные приманки.

– Нет-нет-нет! – Тетя Шарлотта помахала пальцем перед носом Бриджет. – Хватит всех этих приманок и прочих рыбных штучек! Только не сейчас.

– Тетя Шарлотта, это просто фигура...

– Не вмешивайся, Урсула. А ты, Шарлотта, заткнись.

Кто-то однажды высказал предположение, что если затеять игру, в которой приходится выпивать всякий раз, как мама просит кого-нибудь заткнуться, то большую часть времени мы будем валяться мертвецки пьяными. Впрочем, для этого вовсе не нужна игра. Хотя сейчас мысль о ней определенно казалась заманчивой.

Мама подошла ближе и в упор посмотрела на Бриджет.

– Ты можешь помнить о случившемся в том доме все, что тебе заблагорассудится.

Бриджет медленно покачала головой и улыбнулась шире, словно бы вспоминала те события с нежностью.

– Вижу, ничего не изменилось. Ты и твои милые родственнички столь же эмоционально неуравновешенны, как и всегда. Копошиться, будто крысы в гнезде. Полагаю, мне стоит радоваться, что вы безжалостно вычеркнули меня из своей жизни.

– Прости, Бриджет, – с притворным замешательством уточнила я, – что-то не припомню, когда ты вообще была частью нашей жизни?

Бриджет повернулась ко мне. Ее глаза за толстыми стеклами очков необычно расширились, как будто она рассматривала через лупу новый экземпляр для своей коллекции.

– О, так ты чуток осмелела? Что случилось с маминым мышонком?

– Теперь ты взялась за грызунов? – раздраженно бросила тетя Шарлотта. – Что за разговоры? Рыбы, крысы, мыши...

– Эй, бешеные псы! – раздался чей-то голос, и дверь распахнулась. – Кто готов к экстриму?

– Теперь еще и собаки! Я совсем запуталась.

– Заткнись, Шарлотта.

Мама, похоже, совсем расстроилась. Впрочем, кому понравится поехать в отпуск и столкнуться там с бывшим членом книжного клуба, особенно учитывая, как нехорошо они расстались.

– Ты заплатишься за это, Урсула, – процедила мама, склонившись ко мне.

И у меня возникло неприятное чувство, что она права.

Глава 5. Неусвоенные уроки

Едва мы успели занять места в первом ряду конференц-зала, как мужчина в дверях командовал:

– Алекса, включи плейлист «Чемпион Браун»! – Он говорил с мелодичным шотландским акцентом, поднимая интонацию на последних слогах, отчего казалось, будто сами слова улыбаются. К сожалению, длилось это недолго.

Комнату наполнила громкая музыка – мелодия из «Игры престолов», – под которую мужчина вышел в центр зала. Он явился сюда в полном боевом снаряжении, что внутри этих стен выглядело немного излишним. Я упорно смотрела вперед, избегая встречаться с кем-либо взглядом, особенно с мамой.

Конференц-зал занимал небольшую часть модульного домика, стены которого дрожали от безжалостного ветра. Его обстановку составляли разномастные сломанные стулья; коричневый ковер на полу за последние двадцать лет впитал в себя все пятна и запахи. Из окон открывался вид на суровый пейзаж. Безмолвные холмы до сих пор окутывал туман, который ничуть не рассеялся с момента нашего приезда. За обрамленным лугами маленьким портом виднелась серая полоска моря. Несколько разбросанных по местности домиков свидетельствовали, что здесь обитают люди, хотя непрекращающиеся порывы ветра создавали впечатление, что в этом уголке мира никогда не царит спокойствие.

– Сумейте обуздать свой страх! – воскликнул мужчина, заглушая громкую музыку. Судя по всему, он не слишком удачно рассчитал время и пересек часть зала гораздо быстрее, чем ожидал. Впрочем, комнатка была маленькой, всего с пятью рядами стульев, на которых, помимо нашей группки, сидело еще шесть человек. – Всегда разбирайтесь в следах! – призывал мужчина, обхватив руками свой выступающий живот, отчего ткань между пуговицами рубашки разошлась в стороны. Затем, неожиданно подавшись вперед, он прошептал: – Найдите забвенье в цветах... – И обвел зал широко раскрытыми глазами. Отзвуки последних слов, казалось, повисли в воздухе.

Мужчина стоял, слегка расставив ноги; вокруг его глаз отчетливо виднелась темно-серая подводка, голову покрывал какой-то маскировочный грим, возможно, призванный скрыть пробелы в редеющих волосах. Именно так мог бы выглядеть Росс Кемп⁹ из набора «Плеймобиль»¹⁰, если бы фирма решила разнообразить свой ассортимент фигурками из серии «Опасные банды»¹¹.

Музыка из «Игры престолов» никак не кончалась, и в какой-то момент стало очевидно, что в расчеты закралась ошибка. Через минуту мелодия начала стихать и смолкла, но тут же зазвучала другая песня – безошибочно узнаваемая Sexy Back в исполнении Джастина Тимберлейка.

---

⁹ Росс Джеймс Кемп – британский актер, писатель и телеведущий.

¹⁰ «Плеймобиль» (Playmobil) – линия игрушек, произведенная немецкой компанией Brandstätter, включающая игровые наборы с элементами конструктора.

¹¹ Отсылка к документальному сериалу «Росс Кемп о бандах», в котором Кемп со съемочной группой путешествуют по миру и берут интервью у членов банд, местных жителей, пострадавших от их насилия, и пытающихся бороться с ними властей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.